

## СОВРЕМЕННОЕ РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО

УДК 316.37  
DOI 10.18522/2227-8656.2022.2.1

*Тип статьи в журнале – научная*

### ГИБРИДНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ: ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ И ФОРМЫ ПРОЯВЛЕНИЯ

### HYBRID IDENTITY: FACTORS OF FORMATION AND FORMS OF MANIFESTATION

© 2022 г.

**Ю. Г. Волков\***,  
**В. И. Курбатов\*\***

© 2022

**Yu. G. Volkov\***,  
**V. I. Kurbatov\*\***

\* *Институт социологии и регионоведения  
Южного федерального университета,  
г. Ростов-на-Дону, Россия*

\*\* *Южно-Российский филиал Федерального  
научно-исследовательского социологиче-  
ского центра Российской академии наук,  
г. Ростов-на-Дону, Россия*

\* *Institute of Sociology and Regional Studies,  
Southern Federal University,  
Rostov-on-Don, Russia*

\*\* *South Russian Branch of the Federal  
Center of Theoretical and Applied Sociology  
of the Russian Academy of Sciences,  
Rostov-on-Don, Russia*

**Цель исследования:** концептуализация понятия «гибридная идентичность». Исследовательские задачи: выявить факторы формирования гибридной идентичности; выявить формы проявления гибридной идентичности.

**Objective of the study** is conceptualization of the concept of "hybrid identity". Research tasks: to identify factors in the formation of a hybrid identity; identify forms of manifestation of hybrid identity.

**Методологическая база исследования.** Основными методами, используемыми в исследовании, явились методы концептуализации и категоризации, кросс-культурной социологии, психологии и культурологии, направленные на выявление культурных или субкультурных границ сообществ, обнаружение структурных компонентов и свойств культурных границ, анализ доминирования определённых культурных черт, а также дискурса о гибридности, дискурса о маргинальности, анализ смешанных социальных феноменов, а также функциональная концепция интеграции.

**Methodological basis of the research.** The main methods used in the study were the methods of conceptualization and categorization, cross-cultural sociology, psychology and cultural studies aimed at identifying cultural or subcultural boundaries of communities, detecting structural components and properties of cultural boundaries, analyzing the dominance of certain cultural features, as well as discourse about hybridity, discourse about marginality, analysis of mixed social phenomena, as well as the functional concept of integration.

**Результаты исследования.** В статье рассматривается гибридная идентичность, ко-

**Research results.** The article deals with hybrid identity, which is interpreted as a mixture

торая трактуется как смешение традиций, верований, культурных обычаев, языков и социальных практик. Механизмы гибридной идентификации основываются на социальной гибридации в виде гибридного социального пространства, выраженного в смешении территориально-географических локаций, политических, экономических, социокультурных, поколенческих и этнических границ и субкультур. Процесс социальной гибридации рассматривается как основной фактор формирования гибридной идентичности. Гибридация трактуется как социальный процесс, который связан с интенсификацией социальных потоков, в том числе мигрантских потоков, с взаимообусловленностью глобализации и локализации, размыванием отдельных культур и с многокультурной интеграцией. Основные формы гибридной идентичности проявляются в идентичности национальных меньшинств, мигрантов и мигрантских диаспор, идентичности в социальных сетях и в виртуальных сообществах в виде смешения культур офлайн и онлайн. Выявлен один из трендов современной социальной динамики, который выражается в гибридации всех современных институциональных отношений, в том числе гибридации государственных и социальных институтов и соответствующих социальных процессов.

**Перспективы исследования** связаны с трендом, выявленным в процессе исследования – трендом гибридации всех современных институциональных отношений, в том числе гибридации государственных и социальных институтов и соответствующих социальных процессов.

**Ключевые слова:** идентичность, гибридная идентичность, гибридация, факторы и формы проявления гибридной идентичности

of traditions, beliefs, cultural customs, languages and social practices. The mechanisms of hybrid identification are based on social hybridization in the form of a hybrid social space, expressed in a mixture of territorial and geographical locations, political, economic, sociocultural, generational and ethnic boundaries and subcultures. The process of social hybridization is considered as the main factor in the formation of a hybrid identity. Hybridization is interpreted as a social process that is associated with the intensification of social flows, including migrant flows, with the interdependence of globalization and localization, the erosion of individual cultures and multicultural integration. The main forms of hybrid identity are manifested in the identity of national minorities, migrants and migrant diasporas, identity in social networks and virtual communities in the form of a mixture of cultures offline and online. One of the trends of modern social dynamics is revealed, which is expressed in the hybridization of all modern institutional relations, including the hybridization of state and social institutions and relevant social processes.

**Prospects of the study** are related to the trend identified in the course of the study – the trend of hybridization of all modern institutional relations, including the hybridization of state and social institutions and relevant social processes.

**Keywords:** identity, hybrid identity, hybridization, factors and forms of manifestation of hybrid identity

**Актуальность темы исследования.** Одной из актуальных задач современной социологии в условиях формирования глобального мира является проблема того, как формируется, конструируется и поддерживается коллек-

тивная идентичность. В частности, речь идет об идентичности нации, этноса, о коллективной идентичности больших социальных групп, идентичности пола, а также об идентичности таких социальных образований, как анклав, идентичности этнической и мигрантской диаспоры как в традиционном, так и в виртуальном представлении – в виде цифровой диаспоры. По нашему мнению, коллективные идентичности имеют специфические факторы формирования и формы проявления и представляют собой сложное социокультурное образование, зачастую представляют собой некое многоуровневое явление, такой микс различных идентификационных маркеров и включают в себя различные идентификационные наслоения.

Вопрос, что представляет подобный социальный феномен, как он формируется и конструируется, каким образом проявляется, как связан с самоидентификацией и, главное, как его отличать от других идентичностей, какие имеет признаки и по каким индикаторам его нужно отличать, является важной исследовательской задачей. Немаловажным вопросом является и то, как называть такую идентичность. Исследователи полагают, что коллективные субъекты, как рассеянные в глобальном мире, так и организованные в некоторые общины, анклавы и диаспоры, обладают множественными идентичностями. Эти идентичности, как правило, пересекаются с другими сложившимися и устойчивыми механизмами идентификации и иными коллективными или групповыми формами привязанности к той или иной социальной группе.

Смешанная идентичность типа микс, по мнению многих отечественных и зарубежных исследователей, таких как О. Н. Астафьева, А. В. Багаева, М. А. Карелин, П. А. Цыганков, Дж. Биттилана, С. Дорадо, В. Маротта, приобрела свое собственное название – гибридная идентичность (Астафьева, 2010; Багаева, 2021; Карелин, 2016; «Гибридные войны» ... , 2015; Battilana, 2010; Marotta, 2011; Pieterse, 1994). Сразу следует отметить, что данный термин достаточно многозначен. И еще одной дополнительной целью исследования является экспликация указанного понятия, его концептуализация с точки зрения того, какие факторы способствуют формированию такой идентичности и в каких формах она проявляется. Некоторые исследователи полагают, что гибрид – это некий новый плавильный котел культур, в котором стираются важные культурные различия и возникают новые идентификационные отношения, для других гибридная идентичность есть новое качество, которое связано с глобализацией и транснациональными процессами. Исследование указанного феномена является актуальной исследовательской задачей.

**Основные цели исследования.** Основной целью исследования является концептуализация понятия «гибридная идентичность», что выражается в следующих исследовательских задачах: выявление того, какие факторы способствуют формированию гибридной идентичности и в каких формах она проявляется.

**Авторская гипотеза.** Гибридная идентичность есть смешение традиций, верований, культурных обычаев, языков, социальных практик в меха-

низмах идентификации. Она основывается на социальной гибридации в виде гибридного социального пространства, выраженного в смешении территориально-географических локаций, политических, экономических, социокультурных, поколенческих и этнических границ и субкультур как факторов формирования гибридной идентичности. Гибридная идентичность проявляется в идентичности национальных меньшинств, мигрантов и мигрантских диаспор, идентичности в социальных сетях и в виртуальных комьюнити в виде смешения культур офлайн и онлайн и выражается в формировании гибридного нарративного дискурса с целью формирования механизмов успешного встраивания агента идентификации в то или иное сообщество. Гибридный нарративный дискурс представляет собой механизм встраивания в социальную, культурную, языковую и территориальную общность.

**Методология исследования.** Основными методами, используемыми в исследовании, явились методы концептуализации и категоризации. Специфика их применения связана с тем, что поскольку гибридация является кросс-культурным процессом, в соответствии с этим основными методами являются методы кросс-культурной социологии, психологии и культурологии, направленные на выявление культурных или субкультурных границ сообществ, обнаружение структурных компонентов и свойств культурных границ, анализ доминирования определённых культурных черт, а также дискурса о гибридности, дискурса о маргинальности, анализ смешанных социальных феноменов, а также функциональная концепция интеграции.

#### **Возникновение проблемы и ее обсуждение**

Термин «гибридность» вошел в научный дискурс из биологии с легкой руки биолога, лингвиста и антрополога Б. Ван Винкля, который во время колонизации Америки в XVII – XVIII вв. обратил внимание на феномен «смешанной крови», что нашло свое отражение в книге «Жизнь в семье, друзья и насилие», написанной им в соавторстве с С. Х. Деккером (Decker, 1996).

Использование понятия «гибридность» в социальных и гуманитарных исследованиях было очень широким и касалось самых разных областей знания: от теории дискурса до теоретической лингвистики, от работ, посвященных массовой культуре, до прикладных исследований в области культуры иммигрантов, от изучения фольклора до работ в области культурологии. В настоящее время термин «гибридность» часто резервируется за исследованиями в области влияния глобализации на трансформацию социальных процессов и механизмы идентификации. Так, Я. Н. Питерсе рассматривал возникновение новых, смешанных форм социальных отношений в виде транслокальных культур, что нашло свое выражение в концепциях мультикультурализма и межкультурализма (Pieterse, 2000).

К. Леви-Строс использовал термин «бриколаж», ранее используемый в искусстве и литературе для обозначения создания предмета, созданного из подручных материалов, а для анализа смешанных форм при исследовании

мифов этот термин приобрел значение смешанной мифологической рефлексии (Леви-Строс, 1999).

В дальнейшем в лингвистике, фольклористике, теории СМИ и в теории урбанистики термин «гибридность» получал различное содержательное наполнение: как смесь двух социальных языков, гибридное место в архитектурном пространстве, смешение культур, «лиминальность», «маргинальность», «пороговость», «пограничность» и «переходность».

Гибридная идентичность как признак использовалась для описания отождествления индивида с определенной группой на основании принятия некоторой системы ценностей, в частности с этнической группой. Так, Дж. Мэйер ввел понятия «метроэтничность» и «метроязык», в соответствии с чем гибридность стала индикатором конструирования так называемой облегченной этнической идентичности и, по словам автора, указанием на ролевые, игровые, гибкие механизмы идентификации, которые облегчали процесс адаптации. А до этого еще С. Холл назвал гибридную идентичность «новой этничностью», полагая, что в основе гибридизации лежат механизмы самоидентификации, выражающие отрывочность, фрагментацию и имеющие символический характер (Maher, 2010; Hall, 1988). Видимо, поэтому в дальнейшем гибридная идентичность стала трактоваться как псевдоидентичность, имитационная идентичность, фейковая идентичность, или квазиидентичность, мнимая, ненастоящая, но близкая к реальности.

Термин «гибридность» можно рассматривать, во-первых, как смешение верований, культурных обычаев, языков, социальных практик; во-вторых, как формирование соответствующих феноменов, в том числе такого феномена, как идентичность; в-третьих, как формы включенности в социальные реалии тех или иных социальных и этнических групп; в-четвертых, как определение гибридизированных форм, их границ, подвижности и пересечения; в-пятых, как формирование совершенно нового социального явления, являющегося производным от двух оснований в виде появления нового, третьего.

Нельзя исключать и появления шестого значения в виде совмещения реальных явлений (явлений офлайн) и явлений виртуальных (онлайн). Это говорит о том, что гибридные формы имеют место в самых разных сферах общественной жизни. В любом проявлении термин «гибридность» наполняется смыслами альтернативности, смешения, расщепленности, расколотости, раздробленности, удвоения, повторения, дублирования.

Применительно к расщепленности и раздробленности гибридная идентичность означает амбивалентность, конфликтность и противоречивость – то, что такое социальное качество, которое раскалывает социальное единство, выражает собой конфликт и противостояние, в том числе конфликт идентичностей.

В самом общем смысле гибридная идентичность – это некоторый механизм, который дает возможность производить различение некоторой этносоциальной подсистемы от внешней полиэтнической системы. Hybrid identity –

это транскультурная идентичность. Она формируется, как отмечает И. В. Батыков, на стыке двух культур и включает в себя признаки принадлежности к различным культурам. В большей степени гибридная идентичность как маркер используется обычно для характеристики идентичности мигрантов, которые сохранили в своих формах самоидентификации признаки принадлежности к своей исторической родине и одновременно включают в свои идентификационные механизмы признаки культуры принимающего общества (Батыков, 2021).

Во всех указанных выше случаях имеет место процесс гибридизации, которая выступает основным фактором формирования гибридной идентичности. Гибридизация как социальный процесс имеет в своем основании некоторые общие факторы, к которым нужно отнести прежде всего глобализацию, интенсификацию социальных потоков, в том числе мигрантских потоков. При этом гибридизация – это не общая программа социальной динамики, а сложный и противоречивый процесс, характеризующийся взаимообусловленностью глобализации и локализации, размывание отдельных культур и их многокультурная интеграция, содержащие также межкультурное противоречие, противоречия рыночного стимулирования и сдерживания миграционной культурной политики, формирование общего коммуникационного рынка с его едиными стандартами и этнокультурное обособление, связанное с устойчивыми этнонациональными традициями. Все указанные факторы – основа формирования гибридной идентичности, общим вектором социальной динамики которой является стремление к достижению социокультурной однородности, а проявлением противоречивости которой и выступает гибридная идентичность.

Современная социальная динамика гибридного пространства выражается в так называемой теории постколониализма, по которой гибридность, согласно Х. К. Бхабха, вовсе не предполагает защиту тезиса об отказе от некоторых традиций. По его мнению, гибридизация связана со смешением различных культурных традиций, которые посредством взаимовлияния формируют новые культурные традиции (The Location of Culture, 2004). Социокультурные факторы гибридизации связаны с тем, что этнонациональная идентичность и этнонациональная культура становятся частью глобальной культуры, массовой коммуникации и информации.

Гибридная идентичность в социальных сетях и цифровых диаспорах, в том числе в этнических социальных сетях и этнических цифровых диаспорах, выражает альтернативность, противоречивость и дополнительность самоидентификации агента или социальной группы. Эта дополнительность и противоречивость связаны с сопоставлением или даже противопоставлением идентичности в пространстве онлайн и пространстве офлайн. Соответственно, практически любая идентичность в виртуальном мире, которая выражается в анонимном переименовании, символикe идеограмм, пиктограмм, смай-

ликов, эмодзи, аватаров или в симулякрах, по умолчанию является гибридной.

На психолингвистическом уровне гибридная идентичность проявляется в форме нарратива, согласно которому механизм идентификации предполагает возможность переинтерпретировать события в направлении успешности адаптации, соответственно, гибридный нарративный дискурс представляет собой механизм встраивания в культурную, языковую и даже территориальную общность. Подобный механизм чаще всего работает на уровне адаптации мигрантов к социокультурным условиям принимающего общества, как отмечает С. П. Толкачев, он выражает наиболее подвижные границы социальной гибридации (Толкачев, 2013).

Обобщая обсуждение проблемы гибридации, можно вполне согласиться с оценкой, данной еще М. М. Бахтиным, который указывал, что гибридность выражает собой сложное совмещение и даже смешение нового и старого, своего и чужого, высокого и низкого, и с точкой зрения Я. Н. Питерсе, согласно которой гибридность – это способ отделения от существующих практик новой практики, в которой рекомбинируются уже сложившиеся практики. При этом Я. Н. Питерсе выделяет следующие признаки гибридации: это показатель места, характеризующий локацию процесса гибридации, и темпоральный показатель, связанный с указанием предсовременности, современности и постсовременности. В соответствии с этим он выделил следующие типы гибридации: кросс-категориальный тип, согласно которому формируются новые гибридности на основе смешения культур, наций, социальных страт, и тип транскультурной конвергенции, тип формирования транслокальных культур (Бахтин, 1986; Pieterse, 1994).

Одним из важнейших факторов, обуславливающих проявление гибридной идентичности, является гибридное пространство современного мира, характеризующее смешение географических локаций, политических, экономических, социокультурных, поколенческих и этнических границ и субкультур. Гибридное пространство и формирование гибридной идентичности тесным образом связаны с формированием региональной идентичности как разновидности формирования гибридного пространства. Такие исследователи, как А. В. Багаева и Л. О. Терновая, отмечают, что социальная гибридача есть процесс скрещивания, например, двух различных формаций, в результате чего возникает третья формация, в данном случае – регион, как фактор формирования региональной, в данном случае – гибридной, идентичности, которая выступает как маркер идентификационного процесса и индикатор некоторых границ, причем не только границ локации, но и границ распространения правил совместного бытия и даже полномочия власти.

На основе этого формируется социальная гибридача, которая, по мнению А. В. Багаевой и Л. О. Терновой, своими основными факторами имеет соотнесенность множественности локальных трансформаций модернизационной социальной динамики и формирование на фоне глобальных измене-

ний различных региональных цивилизаций, соотносящихся и смешивающихся как с общим трендом, так и между собой (Багаева, 2012; Терновая, 2013).

Следует также различать институциональную и гибридную идентичность, на что указывают такие исследователи, как М. Глинн, Э. Худ, Б. Иннис. При этом авторы указывают на то, что это характеризует конфликт между институциональной и гибридной идентичностью, поскольку легитимность первой обусловлена государственными и социальными институтами, а гибридная идентичность удовлетворяет лишь некоторым заинтересованным группам (Glynn, 2020). Г. Хсу и Э. Цукерман отмечают, что это требует дополнительных специфических способов обоснования гибридной идентичности, а Дж. Баттилана и С. Дорадо связывают это с дополнительным финансированием данного проекта (Hsu, 2006; Battilana, 2010; Zuckerman, 1999).

Выше отмечалось, что формирование гибридных идентичностей связано прежде всего с конфликтностью и противоречивостью, что раскалывает сложившееся социальное единство, выражает собой конфликт и противостояние идентичностей, это, как указывают Дж. Герман и М. Гримес, способствует трансформации гибридных идентичностей в своеобразные корпоративные идентичности (Gehman, 2017). Последнее, по мнению Н. Филлипса, Т. Лоуренса и С. Харди, некоторым образом трансформирует гибридные идентичности в институциональные по мере того, как акторы взаимодействуют и приходят к принятию общих определений реальности и общих решений (Phillips, 2004).

В соответствии с этим, как пишут М. Лоунбьюри и М. Глинн, гибридную идентичность можно считать институционализированной, когда существует достаточный уровень согласия в отношении культурного значения идентичности. Имеет место процесс институционализации всех идентичностей, в том числе гибридных, как и процесс гибридизации институциональных идентичностей, это, видимо, косвенно отображает формирование общего социального тренда, амбивалентного по своей природе: с одной стороны, это поглощение институциональными явлениями всех гибридных, а с другой – гибридизация всех современных институциональных отношений, в том числе гибридизация государственных и социальных институтов и соответствующих социальных процессов (Lounsbury, 2001). Гибридные идентичности, которые К. Смит и П. Ливи трактуют как транснациональные идентичности, идентичности двойного сознания и диаспорные идентичности, преобладают в сообществах меньшинств или иммигрантов и предназначены для того, чтобы сохранить локальное в глобальном контексте (Hybrid Identities ... , 2008).

**Основные результаты.** Процесс социальной гибридизации выступает основным фактором формирования гибридной идентичности.

Гибридизация является социальным процессом, который связан с интенсификацией социальных потоков, в том числе мигрантских потоков, с взаимообусловленностью глобализации и локализации, размыванием отдельных культур и многокультурной интеграцией.



Основные факторы формирования гибридной идентичности связаны с формированием и смешением географических локаций, политических, экономических, социокультурных, поколенческих и этнических границ и субкультур.

Гибридное пространство тесным образом связано с формированием региональной идентичности в виде формирования гибридной идентичности, которая выступает как маркер идентификационного процесса и индикатор границ не только локаций, но и распространения правил совместного бытия и даже полномочия власти.

Гибридная идентичность есть смешение традиций, верований, культурных обычаев, языков, социальных практик в механизмах идентификации, основывающееся на социальной гибридизации в виде гибридного социального пространства, выраженного в смешении территориально-географических локаций, политических, экономических, социокультурных, поколенческих и этнических границ и субкультур.

Основные формы гибридной идентичности проявляются в идентичности национальных меньшинств, мигрантов и мигрантских диаспор, идентичности в социальных сетях и виртуальных комьюнити в виде смешения культур офлайн и онлайн.

На психолингвистическом уровне гибридная идентичность проявляется в формировании гибридного нарративного дискурса с целью формирования механизмов успешного встраивания агента идентификации в процессе адаптации, соответственно, нарративный дискурс представляет собой механизм встраивания в культурную, языковую и даже территориальную общность.

Одним из трендов, выявленных в процессе обсуждения, выступает тренд гибридизации всех современных институциональных отношений, в том числе гибридизации государственных и социальных институтов и соответствующих социальных процессов.

## Литература

*Астафьева О. Н.* Реконструкция и демаркация коллективных идентичностей в условиях глобализации: будущее национально-культурной идентичности // Вопросы социальной теории. 2010. Т. IV. С. 255–281.

*Багаева А. В.* Гибридная самоидентичность: итог совместимости несоединимого // Общество: социология, психология, педагогика. 2021. № 10. С. 31–34.

*Багаева А. В., Терновская Л. О.* Конструирование региональной идентичности в координатах пространства и времени // Этносоциум и межнациональная культура. 2012. № 10 (52). С. 11–17.

## References

*Astafieva, O. N.* (2010). Reconstruction and demarcation of collective identities in the context of globalization: the future of national and cultural identity. *Voprosy sotsial'noy teorii*, IV, 255–281. (In Russian).

*Bagaeva, A. V.* (2021). Hybrid self-identity: the result of the compatibility of the incompatible. *Obshchestvo: sotsiologiya, psikhologiya, pedagogika*, 10, 31–34. (In Russian).

*Bagaeva, A. V., Ternovskaya, L. O.* (2012). Construction of regional identity in the coordinates of space and time. *Etnosotsium i mezhnatsional'naya kul'tura*, 10 (52), 11–17. (In Russian).

- Батыков И. В.* Социологическая диагностика приобретенной различительной способности средств индивидуализации // Общество: социология, психология, педагогика. 2021. № 2. С. 31–34. <https://doi.org/10.24158/spp.2021.10.4>.
- Бахтин М. М.* Речевые жанры и другие поздние сочинения // Эстетика словесного творчества. М., 1986. С. 250–296.
- «Гибридные войны» в хаотизирующемся мире XXI века / под ред. П.А. Цыганкова. М., 2015. 384 с.
- Карелин М. А.* Теоретико-методологические основания гибридизации поколенческого пространства // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2016. Т. 6, № 1. С. 36–39.
- Леву-Строс К.* Первобытное мышление. М., 1999. 126 с.
- Терновая Л. О.* Региональная идентичность в координатах истории и памяти // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2013. № 4 (20). С. 108–117.
- Толкачев С. П.* Проблемы гибридной идентичности в современной мультикультурной литературе // Знание. Понимание. Умение. 2013. № 2. С. 177–182.
- Battilana J., Dorado S.* Building sustainable hybrid organizations: The case of commercial microfinance organizations // *Academy of Management Journal*. 2010. № 53 (6). P. 1419–1440.
- Decker S. H., Winkle B. Van.* Family Life, Friends, and Violence. The University Press, 1996.
- Gehman J., Grimes M.* Hidden badge of honor: How contextual distinctiveness affects category promotion among certified B corporations // *Academy of Management Journal*. 2017. № 60 (6). P. 2294–2320.
- Glynn M. A., Hood E. A., Innis B. D.* Taking Hybridity for Granted: Institutionalization and Hybrid Identification, Besharov // *Organizational Hybridity: Perspectives, Processes, Promises* (Research in the Sociology of Organizations, 2020. Vol. 69). M.L. and Mitzinneck, B.C. (Ed.). Bingley: Emerald Publishing Limited, 2020. P. 53–72.
- Batykov, I. V.* (2021). Sociological diagnostics of the acquired distinctive ability of means of individualization. *Obshchestvo: sotsiologiya, psikhologiya, pedagogika*, 2, 31–34. <https://doi.org/10.24158/spp.2021.10.4>. (In Russian).
- Bakhtin, M. M.* (1986). Speech genres and other late works. *Aesthetics of verbal creativity*. Moscow, 250–296. (In Russian).
- "Hybrid wars" in the chaotic world of the XXI century. (2015). In P. A. Tsygankov. (Ed.). Moscow. (In Russian).
- Karelin, M. A.* (2016). Theoretical and methodological foundations of generational space hybridization. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Sotsiologiya. Politologiya*, 6, 1, 36–39. (In Russian).
- Levi-Strauss, K.* (1999). Primitive thinking. Moscow. (In Russian).
- Ternovaya, L. O.* (2013). Regional identity in the coordinates of history and memory. *Vestnik BIST (Bashkirskogo instituta sotsial'nykh tekhnologiy)*, 4 (20), 108–117. (In Russian).
- Tolkachev, S. P.* (2013). Problems of hybrid identity in modern multicultural literature. *Znaniye. Ponimaniye. Umeniye*, 2, 177–182. (In Russian).
- Battilana, J., Dorado, S.* (2010). Building sustainable hybrid organizations: The case of commercial microfinance organizations. *Academy of Management Journal*, 53 (6), 1419–1440.
- Decker, S. H., Winkle, B. Van* (1996). Family Life, Friends, and Violence. The University Press.
- Gehman, J., Grimes, M.* (2017). Hidden badge of honor: How contextual distinctiveness affects category promotion among certified B corporations. *Academy of Management Journal*, 60 (6), 2294–2320.
- Glynn, M. A., Hood, E. A., Innis, B. D.* (2020). Taking Hybridity for Granted: Institutionalization and Hybrid Identification, Besharov. *Organizational Hybridity: Perspectives, Processes, Promises* (Research in the Sociology of Organizations, 2020. Vol. 69). In M.L. and Mitzinneck, B.C. (Ed.). Bingley: Emerald Publishing Limited, 53–72.

<https://doi.org/10.1108/S0733-558X20200000069003>.

Hall S. New Ethnicities // *Black Film, British Cinema*. K. Mesner (Ed.). London: Institute of Contemporary Arts, 1988. P. 27–30.

Hsu G. Jacks of all trades and masters of none: Audiences reactions to spanning genres in feature film production // *Administrative Science Quarterly*. 2006. № 51 (3). P. 420–450.

Hybrid Identities: Theoretical and Empirical Examinations. K.E.I. Smith, P. Leavy (Eds.). Brill Publishing, 2008. 412 p.

Lounsbury M., Glynn M. A. Cultural entrepreneurship: stories, legitimacy, and the acquisition of resources // *Strategic Management Journal*. 2001. № 22 (6–7). P. 545–564.

Maher J. C. Metroethnicities and Metalanguages // *The Handbook of Language and Globalization*. N. Coupland (Ed.). Oxford: Wiley-Blackwell, 2010. P. 575–591.

Marotta V. Hybrid identities in a globalised world // *Public sociology: an introduction to Australian society*. J. Germov, M. Poole (Ed.). Allen & Unwin, Crows Nest, N.S.W., 2011. P. 188–204. Available at: <http://hdl.handle.net/10536/DRO/DU:30049722>.

Phillips N., Lawrence T. B., Hardy C. Discourse and institutions // *Academy of Management Review*. 2004. № 29 (4). P. 635–652.

Pieterse J. N. Globalization and human integration: We are all migrants // *Futures*. 2000. Vol. 32, № 8. P. 385–398.

Pieterse J. N. Globalization as Hybridization // *International Sociology*. 1994. Vol. 9, № 2. P. 161–184.

The Location of Culture / Homi K. Bhabha. Routledge, 2004. 440 p.

Zuckerman E. W. The categorical imperative: Securities analysts and the illegitimacy discount // *American Journal of Sociology*. 1999. № 104 (5). P. 1398–1438.

**Для цитирования:** Волков Ю.Г., Курбатов В.И. Гибридная идентичность: факторы формирования и формы проявления // *Гуманитарий Юга России*. 2022.2 (54). Т. 11. С. 15–26. DOI 10.18522/2227-8656.2022.2.1

<https://doi.org/10.1108/S0733-558X20200000069003>.

Hall, S. (1988). New Ethnicities. *Black Film, British Cinema*. In K. Mesner (Ed.). London: Institute of Contemporary Arts, 27–30.

Hsu, G. (2006). Jacks of all trades and masters of none: Audiences reactions to spanning genres in feature film production. *Administrative Science Quarterly*, 51 (3), 420–450.

Hybrid Identities: Theoretical and Empirical Examinations. (2008). In K.E.I. Smith, P. Leavy (Eds.). Brill Publishing.

Lounsbury, M., Glynn, M. A. (2001). Cultural entrepreneurship: stories, legitimacy, and the acquisition of resources. *Strategic Management Journal*, 22 (6–7), 545–564.

Maher, J. C. (2010). Metroethnicities and Metalanguages. *The Handbook of Language and Globalization*. In N. Coupland (Ed.). Oxford: Wiley-Blackwell, 575–591.

Marotta, V. (2011). Hybrid identities in a globalized world. *Public sociology: an introduction to Australian society*. In J. Germov, M. Poole (Eds.). Allen & Unwin, Crows Nest, N.S.W., 188–204. Available at: <http://hdl.handle.net/10536/DRO/DU:30049722>.

Phillips, N., Lawrence, T. B., Hardy, C. (2004). Discourse and institutions. *Academy of Management Review*, 29 (4), 635–652.

Pieterse, J. N. (2000). Globalization and human integration: We are all migrants. *Futures*, 32, 8, 385–398.

Pieterse, J. N. (1994). Globalization as Hybridization. *International Sociology*, 9, 2, 161–184.

The Location of Culture. (2004). In Homi K. Bhabha. Routledge.

Zuckerman, E. W. (1999). The categorical imperative: Securities analysts and the illegitimacy discount. *American Journal of Sociology*, 104 (5), 1398–1438.

#### **История статьи:**

Поступила в редакцию – 24.03.2022 г.  
Получена в доработанном виде – 04.05.2022 г.  
Одобрена – 11.05.2022 г.

**Сведения об авторах**

**Information about authors**

**Волков Юрий Григорьевич**

**Yury Grigorievich Volkov**

Заслуженный деятель науки РФ, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой теоретической социологии и методологии региональных исследований, Институт социологии и регионоведения Южного федерального университета

Honored Scientist of the Russian Federation, Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Head of the Department of Theoretical Sociology and Methodology of Regional Studies, Institute of Sociology and Regional Studies, Southern Federal University

344006, г. Ростов-на-Дону,  
ул. Пушкинская, 160,  
e-mail: ugvolkov@sfedu.ru

160 Pushkinskaya St.,  
Rostov-on-Don, 344006,  
e-mail: ugvolkov@sfedu.ru

**Курбатов Владимир Иванович**

**Vladimir Ivanovich Kurbatov**

Доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник, Южно-Российский филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук

Doctor of Philosophical Sciences, Chief Researcher, Professor, South Russian Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences

344006, г. Ростов-на-Дону,  
ул. Пушкинская, 160,  
e-mail: kurbashy@list.ru

160 Pushkinskaya St.,  
Rostov-on-Don, 344006,  
e-mail: kurbashy@list.ru